

Эристическое речевое поведение: прямая и косвенная эристема

Эристика – с момента зарождения в античной философии – была инструментом крайнего релятивизма, доводящего противоречие до абсолюта [7]. В софистической мысли противоречие проявляется как сущность, не требующая доказательства истинности, которая, в свою очередь, «абсолютно» относительна. Эристика как «искусство спора» давала возможность вывести противоречие наружу, на поверхность, превратить его в диалог, полемику, цель которой – не только победа над собеседником, как это принято полагать, но и опровержение абсолютной истины, невозможность однозначного суждения, абсолютное сомнение и вопрос. Поэтому гносеологическая суть эристики диалектична – *борьба* противоположностей и противоречие как *интеллектуальный драйв*, стимул к творческой мыследеятельности. В культуре эристический дискурс обычно сопровождает либо вырвавшийся наружу социальный протест, взрывающий общественно-политический строй, либо – латентно зреющий в чреве энтропийных социальных некрозов, застойных идеологических гистерий, нравственных идиосинкразий – взрыв культурный – интеллектуальный, парадигмальный, меняющий «химический состав» цивилизационной ноосферы.

Особое место занимает литературная эристика.

Протест против конвенциональности языка, выразившийся в поэзии ОБЭРИУ, в «зауми» В. Хлебникова и сарказме Д. Хармса, дает в совокупности картину «внутренней формы» эристического литературного знака. Эристическая эпистемика рождает свою собственную семиотику. За основную единицу эристического семиозиса футуристами принимается когнитивно-семиотический акт «остранения», воплощающий «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания» [6: 230]. В концепте остранения заложено раскрепощение от конвенциональности, навязываемой языком.

Отрицание внешней формы слова, языковая игра, противопоставле-

ние внутреннего мира миру объективному, – но не абсолютному и не совершенному, – вот эристическая интенциональность русского авангарда, его эристика плана выражения. Эристика «интеллектуальной самоности» критически трансформирует смысловое пространство, предлагая собственное видение, собственный язык, «противонакладываемый» на исходные – языковую и смысловую – формы текста [2]. Конечно, внедряемый в первично значимые языковые элементы вторичный «встречный» код не в силах побороть общезыковую морфосинтаксическую семантику, однако новая «семантика сдвига», спаянная дискурсивной ритмикой и избирательностью нарратива, заставляет текст наращивать новые, необычные фоносемантические и лексико-синтагматические связи, ломая первичную семантику, делая текст сперва асемантическим, а затем взрывающимся новыми яркими ассоциативными откровениями:

Жарбог! Жарбог!

Я в тебя грезитвой мечу,

Дола славный стаедей,

О, взметни ты мне навстречу

Стаю вольных жарирей.

Жарбог! Жарбог!

Волю видеть огнезарную

Стаю легких жарирей,

Дабы радугой стожарною

Вспыхнул морок наших дней (В. Хлебников, 1908)

Провокативная, бросающая вызов конвенциональности, утверждающая новый «план выражения» эстетическая эристика, всегда может стать причиной неприятия, идиосинкразии, степень которой зависит от внутренней способности ума сделать противоречие нормой. Нетерпимость к таким формам обычно рассматривается как показатель отсутствия внутренней свободы, проявляющейся в прототипической детской людической жажде словотворчества и смыслопорождения, включенности в семиозис ассоциативной «автокоммуникации» [3: 171-172].

Остранение как метод приводит к созданию нового прагматического знака – *эристы* – семиотической единицы и концепта литературного **эристического семиозиса**, имеющего в основе своего семиогенеза противоречие, парадокс, «аномалию». «Самовитое слово» – это знак, означаемое которого лежит не в области референции, а в области интерпретации («интерпретанты», по Ч.С. Пирсу). Семантика такого знака – это прагматическая семантика, рождающаяся в результате *эвокации* (воображения) – семиотического акта, «угрожающего» не столько «лицу» адресата (по И. Гоффману), сколько его интеллектуальной и

эстетической состоятельности. Новая («инновационная») создаваемая семантика знака зиждется на эристической интенциональности «семиурга» (создателя знака). В этой семиотике эристичность направлена на сам знак – на его форму и содержание.

Таким образом, единицей эристического (провокативного) семиозиса становится *эристема* – знак, означаемым которого является интенциональный акт, нарушающий конвенциональность, норму, будь то норма языка или речевого поведения, вежливости и т.д. В бытовом общении, построенном на мейозисе, «низкая» эристика выливается в нарушение правил этикета, в речевую агрессию, в мыследеятелиности эристическая интенция – механизм креативной инновации.

Эристика модерна экспрессивна, вызывающе броска и даже оскорбительна («пощечина вкусу»). В основе её лежит «остранение» как эксплицитная формальная инновация – прямая эристема.

Эристика постмодернистов более имплицитна, имплицитивна, нарочито запутана, тайно цинична, но также парадоксальна и абсурдна. Ирония постмодерна – это эристика, повернутая вовнутрь, высказанная не адресату, а в присутствии адресата. Эристика, в отличие от речевой агрессии, редко делает прямой выпад, но, как правило, поражает в самое сердце. Эристический дискурс, текст не может стать жанром. Это текстовая мимикрия под жанр, например, в виде иронии или сарказма, это *тональность* коммуникативного поведения, его интенциональность [1, 5: 64-106]. Но это всегда вызов нормам выражения и/или содержания и через них – вызов адресату – читателю, собеседнику. Литературный жанр не определяет тональность, и наоборот. Не предпринимая *hic et nunc* анализ крупных отрезков постмодернистского текста, приведем (без развернутого анализа) пример – не из «классики» постмодерна, но «в духе» постмодернистской эристики, которая не имеет ни временных, ни жанровых «огораживаний». Пример показывает простоту и универсальность, но и определенную этно-лингвокультурную герметичность эристики авторского диалогичного нарратива [6] как внутри текста, так и при его ретрансляции в переводе:

(1) « **Elle** : Tu parles bien le francais.

Lui : N'est-ce pas ? Je suis content que tu remarques enfin comme je parle bien le francais.

(Un temps.)

Lui : Moi, je n'avais pas remarqué que tu ne parlais pas le japonais. . . Est-ce que tu avais remarqué que c'est toujours dans le même sens que l'on remarque les choses ?

Elle Non. Je t'ai remarqué toi, c'est tout » (M. Duras. Hiroshima mon

amour, p. 32).

«Она: Ты говоришь хорошо по-французски.

Он: неужели? Рад, что заметила, наконец, что я хорошо говорю по-французски.

(Пауза)

Он: А я не заметил, что ты не говоришь по-японски... А ты заметила, что мы замечаем что-то всегда только в одном направлении?

Она: Нет. Я заметила тебя, и это все» (перевод наш – *И.Т.*).

Памятуя, что эристема (единица эристического семиозиса) – это *противоречие, выраженное в знаке*, выделим характеристики косвенной (имплицитной) эристеми в (1).

Эристема (1):

– план содержания: ироническая банальность влюбленности при бесконечной имплицитности смысла;

– план выражения: игра плеоназмами, тавтология, делокутивность [4].

Этическая оценка эристики амбивалентна и ситуативна. Интеллектуальная (философская, литературная) эристика – это непереносимое условие воображения, изобретения; это отрицание старых форм, порождение инновационной мыследеятельности. Эристика — это особая эвристика.

Семиотика дискурсивной эристики складывается из эристической семантики (абсурд, парадокс, нонсенс), синтактики (языковые аномалии, провокативный нарратив) и прагматики в виде эристической интенциональности (иллокутивности) в совершении речевого действия. Эристема как единица эристически маркированного семиозиса включает эти три семиотических измерения, на которые накладывается функциональная типология: иконичность (проксемика, паравербалика), индексальность (интонация, жесты, дейксис), символичность («конвенциональная неконвенциональность»). Широта семантического и функционального диапазона эристики объясняется прототипичностью этого когнитивно-психологического феномена антропологического масштаба.

Библиографический список

1. Алимуратов О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: дис. ... д-ра филол. наук. 10.02.19: Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону, 2004. 544 с.
2. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159-165.
3. Тамразова И.Г., Преснухина И.А. Делокутивность как номинативный механизм языка // Молодой ученый. 2017. № 11 (145). С. 329-333.

4. Тамразова И.Г. Эристический нарратив как жанрообразующая категория художественного текста (контрастивный анализ) // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. Казань: Казанский федеральный университет, 2018. С. 233-237.
5. Текст и дискурс: кодирование и декодирование: коллективная монография; под ред. А.А. Корниенко. Пятигорск: ПГУ, 2017. 269 с.
6. Шкловский В. Тетива: О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 376 с.
7. Шопенгауэр А. Эристика или искусство побеждать в спорах. Санкт-Петербург, 1900. URL: [http://www.home.arcor.de/rushbone /eristik.htm](http://www.home.arcor.de/rushbone/eristik.htm) (дата обращения: 22.06.2018).

Литературные источники

1. Хлебников В.В. Короткие стихи. Жарбог. URL: <http://stih.su/zharbog-zharbog/> (дата обращения: 18.10.2018).
2. Duras M. Hiroshima mon amour. New-York: Grove Press, 1961. 112 p.